

МЕГАН ГОЛДИН

**НОЧНОЕ
ПЛАВАНИЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Г60

Megan Goldin

NIGHT SWIM

Серия «Объявлено убийство»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского *Марии Максимовой*

Оформление обложки *Александра Воробьева*

Голдин, Меган.

Г60 Ночное плавание [роман] / Меган Голдин;
[перевод с английского Марии Максимовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Объявлено убийство).

ISBN 978-5-17-172209-8

Рэйчел Кролл прославилась благодаря тру-крайм подкасту «Виновен или нет».

Мечтая сделать третий сезон проекта таким же популярным, как предыдущие, девушка берется за громкое дело об изнасиловании. Расследование приводит Рэйчел в маленький городок, где близится к развязке судебный процесс над преступником. Выйдя из зала суда, она обнаруживает записку с мольбой о помощи на лобовом стекле своей машины. Это пугает Рэйчел, ведь ее обычно узнают только по голосу.

Позже тревожные письма приходят уже на электронную почту. Кто-то следит за ней. Рэйчел Кролл предстоит не только раскрыть преступление, но и найти таинственного преследователя, чтобы докопаться до всей правды.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Copyright © Megan Goldin 2020

© Мария Максимова, перевод, 2025

© ООО «Издательство АСТ» 2026

ISBN 978-5-17-172209-8

Бернарду и Сюзанне

Жалость, да и только, что случилось
это с ней, а не с кем другим*.

«Тэсс из рода д'Эрбервиллей»

Томас Гарди

* Перевод А.В. Кривцовой

ХАННА

Смерть Дженни убила мою маму. Убила так же верно, как выстрел в грудь из дробовика двенадцатого калибра. Врач сказал, что это был рак. Но я видела, как воля к жизни покинула ее в тот самый миг, когда в нашу дверь постучал полицейский.

— Что-то с Дженни, да? — прохрипела мама, вцепившись в отворот своего выцветшего халата.

— Мэм, я не знаю, как еще сказать вам, кроме как напрямую.

Полицейский говорил тем же низким печальным голосом, каким несколько мгновений назад, когда мы подъехали, велел мне подождать в патрульной машине, огни которой раскрасили наш дом синими и красными полосами.

Не послушавшись, я выскользнула с заднего сиденья и рванула к маме, которая включила верхний свет и шагнула на крыльцо, заторможенная со сна, из которого ее вырвали поздно ночью. Я обнимала ее усохшую талию, пока полицейский сообщал о случившемся. Мамино тело сотрясалось от каждого слова.

Когда он закончил, его челюсти под светлой щетиной были крепко сжаты, а в светлых глазах стояли слезы. Полицейский был молод. Явно раньше не сталкивался с трагедиями. Он утер уголки своих блестящих глаз и тяжело сглотнул.

— С-соболезную вашему горю, мэм, — пробормотал он, когда больше нечего было сказать.

Необратимость этих слов будет отдаваться эхом все последующие годы.

Но в тот миг, пока дежурные фразы все еще висели в воздухе, мы стояли на крыльце, смотрели друг на друга, не зная, что делать, и раздумывая над этикетом смерти.

Я крепче обняла своими маленькими детскими ручками маму, которая, не видя ничего вокруг, вернулась в дом. Придавленная горем. Я шла рядом. Сцепив руки вокруг нее. Прижавшись лицом к ее впалому животу. Я не собиралась отпускать. Я была уверена, что она держится на ногах только благодаря мне.

Мама рухнула на комковатую подушку кресла. Спрятала лицо в костистых ладонях, и ее плечи затряслись от беззвучных рыданий.

Я похромала на кухню и налила ей стакан лимонада. Это все, что я смогла придумать. В нашей семье лимонад был панацеей от любых жизненных невзгод. Мамины зубы стучали о стекло, когда она поднесла стакан к губам. Она сделала глоток и, поставив покачивающийся стакан на потертую обивку кресла, обняла себя руками.

Я подхватила стакан до того, как он упал, и поковыляла на кухню. На полпути я поняла, что по-

лицейский до сих пор стоит в дверях. Он смотрел на пол. Я проследила за его взглядом. По линолеуму тянулась цепочка кровавых отпечатков моих маленьких ступней.

Он выжидающе посмотрел на меня. Пора было ехать в больницу, на что я согласилась, когда умоляла его сначала отвезти меня домой, чтобы быть с мамой, когда она узнает про Дженни. Я непокорно устояла на него. Я не собиралась оставлять маму одну. Даже ради медицинской обработки порезов на моих ступнях. Полицейский собирался было настаивать, когда в автомобильной рации раздалось неразборчивое сообщение. Он сел на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и сказал, что как можно скорее пришлет к нам домой медсестру позаботиться о моих ранах. Сквозь сетчатую дверь я смотрела, как он уезжает. Вой его полицейской сирены слышался еще долго после того, как машина исчезла в темноте.

Медсестра пришла на следующее утро. Она была в больничной форме и несла огромную медицинскую сумку. Она извинилась за задержку, сказав, что вчера ночью неотложка была переполнена и ко мне никто не мог приехать. Она заштопала меня черными нитками и плотно забинтовала мои ступни, перед уходом предупредив меня не ходить, потому что швы разойдутся. Она была права. Они разошлись.

Дженни умерла, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Мне оставалось пять недель до десяти лет. Достаточно большая, чтобы знать, что моя

жизнь никогда не будет прежней. Но слишком маленькая, чтобы понимать, почему.

Я никогда не рассказывала маме, что обнимала холодное тело Дженни, пока полицейские не окружили нас, словно ястребы, и не оттащили меня. Я никогда не рассказывала ей ничего о той ночи. А даже если бы и рассказала, сомневаюсь, что она услышала бы. Ее разум был в другом месте.

Похороны прошли скромно. Мы с мамой, местный пастор и несколько маминых бывших коллег, которые пришли в своей кассирской униформе во время обеденного перерыва. По крайней мере их я запомнила. Может, был кто-то еще. Не помню. Я была очень маленькой.

Единственное, что я хорошо помню, — это простой гроб Дженни, стоявший на траве рядом со свежерырытой могилой. Я сняла свой вязаный свитер и положила его на полированную крышку.

— Дженни он пригодится, — сказала я маме. — Под землей будет холодно.

Мы обе знали, как сильно Дженни ненавидела холод. Зимой, когда пронизывающие сквозняки прорывались сквозь щели в залатанных стенах нашего дома, Дженни умоляла маму переехать туда, где лето никогда не кончается.

Через несколько дней после похорон Дженни к нам пришел сотрудник полицейского участка в мятом габардиновом костюме. Он достал из пиджака блокнот и спросил, знаю ли я, что произошло в ночь, когда умерла Дженни.

Я опустила глаза, рассматривая каждую нитку, вылезшую из запачканных бинтов на моих ступнях. Задав все положенные вопросы и не получив ответов, мужчина с явным облегчением убрал пустой блокнот в карман пиджака и направился к своей машине.

Я смотрела ему вслед и ненавидела себя за упрямое молчание. Иногда, когда меня одолевает чувство вины, я напоминаю себе, что ни в чем не виновата. Он не задал верных вопросов, а я не знала, как объяснить то, чего не понимала в силу возраста.

Этот год юбилейный. Двадцать пять лет со смерти Дженни. Четверть века, а ничего не изменилось. Ее смерть так же свежа, как в день, когда мы ее похоронили. Единственная разница в том, что я больше не буду молчать.

РЭЙЧЕЛ

Одинокий штрих белого облака портил в остальном идеальное голубое небо. Рэйчел Кролл вела свой серебристый кроссовер по ровному полотну шоссе в сторону Атлантического океана. Прямо по курсу на горизонте виднелась тонкая синяя линия. По мере приближения она росла, и вскоре Рэйчел знала наверняка, что это море.

Двигаясь в нужной полосе, Рэйчел встревоженно взглянула на трепещущие страницы письма, лежавшего на переднем пассажирском сиденье рядом. Это письмо глубоко ее взволновало. Не столько содержанием, сколько странным, почти пугающим способом, которым его доставили чуть раньше утром.

Проведя за рулем много часов, она остановилась у круглосуточной закусочной, где заказала кружку кофе и блинчики, которые подавали с наполовину растаявшей голубикой и двумя шариками ванильного мороженого, которые она отодвинула на край тарелки. Кофе оказался горьким, но Рэйчел все равно его выпила. Ей нужен был не вкус, а кофеин.

Поев, она заказала с собой особо крепкий кофе со льдом и маффин на случай, если ее энергия иссякнет на последнем отрезке пути.

Ожидая заказ, Рэйчел закапала капли в свои уставшие зеленые глаза и собрала рыжие волосы длиной до плеч, чтобы не лезли в лицо. Рэйчел завязывала волосы в пучок на макушке, когда официантка принесла заказ в белом бумажном пакете и поспешила обслужить водителя грузовика, который сердитым жестом требовал счет.

Она оставила официантке больше чаевых, чем необходимо, в основном потому, что сочувствовала тому, как клиенты ругали бедняжку за медленное обслуживание. Рэйчел не считала ее виноватой. Она сама работала официанткой во время учебы в колледже и знала, как тяжело обслуживать столики в одиночку во время внезапного наплыва посетителей.

Подходя к вращающимся дверям закуской, Рэйчел чувствовала себя сытой и испытывала легкое головокружение. Солнце снаружи светило очень ярко, и по дороге к своей машине ей пришлось заслонить глаза ладонью. Еще на полпути она заметила что-то под дворником. Подумав, что это рекламная листовка, Рэйчел резко сняла бумажку с лобового стекла. Она уже было скомкала ее, не читая, когда заметила свое имя, аккуратно выведенное жирными буквами: *«Рэйчел Кролл (ведущей подкаста «Вино-вен или нет»)»*.

Рэйчел каждую неделю получала тысячи электронных писем и сообщений в соцсетях. Большинство были милыми и дружелюбными. Письма от

фанатов. Несколько напугали ее до ужаса. Рэйчел понятия не имела, к какой категории будет относиться это письмо, но сам факт того, что ее узнал незнакомец и оставил адресованное ей послание на ее машине, определенно не добавлял спокойствия.

Рэйчел огляделась по сторонам на случай, если человек, оставивший письмо, все еще поблизости. Ждет. Наблюдает за ее реакцией. Вокруг курили и болтали дальнбойщики. Кто-то проверял крепления на кузовах своих фур. Хлопали двери вновь прибывших машин. Оживали двигатели уезжавших. Никто не обращал на Рэйчел внимания, однако это не ослабляло жуткого ощущения, что за ней следят.

Рэйчел редко когда чувствовала себя беззащитной. За прошедшие годы она побывала во множестве опасных ситуаций. В прошлом месяце она даже проторчала в запертой камере тюрьмы особого режима, беседуя с серийным убийцей без наручников, пока полицейские снайперы целились из автоматических винтовок через отверстие в потолке на случай, если заключенный набросится на нее в процессе интервью. За все время Рэйчел даже не вспотела. Поэтому ей казалось нелепым, что оставленное на машине письмо выбило ее из колеи сильнее, чем встреча лицом к лицу с убийцей.

В глубине души Рэйчел знала причину своего беспокойства. Ее узнали. На людях. Кто-то незнакомый. Раньше такого не случалось. Рэйчел тщательно старалась соблюдать анонимность после взлета к вершинам славы, когда первый сезон ее подкаста стал культурной сенсацией, породив волну подка-

стов-подражателей и народную одержимость жанром тру-крайм.

В том первом сезоне Рэйчел обнаружила свежие факты, доказывающие, что школьного учителя ошибочно посадили за убийство жены во время их второго медового месяца. Второй сезон стал еще более успешным, когда Рэйчел раскрыла зашедшее в тупик дело о матери-одиночке двоих детей, которую забили до смерти в собственной парикмахерской. К концу сезона имя Рэйчел Кролл стало всем известным брендом.

Несмотря на внезапную славу, или скорее благодаря ей, Рэйчел сознательно старалась не светиться. Ее имя и голос узнавались моментально, но люди понятия не имели о том, как она выглядит или кто она такая, когда она ходила в спортзал, пила кофе в своем любимом кафе или катила тележку по местному супермаркету.

Единственными доступными публике фотографиями Рэйчел была серия черно-белых снимков, сделанная ее бывшим мужем во время их короткого брака, когда она училась в аспирантуре. Теперь ее сложно было узнать на этих снимках, может быть, из-за ракурса или монохромных тонов, а может, потому, что в тридцать лет черты ее лица стали более резкими.

Еще до взлета подкаста они получили первый запрос от СМИ на фотографию Рэйчел, чтобы разместить ее вместе со статьей о популярности подкаста. Именно ее продюсеру Питу пришла идея использовать те старые снимки. Он отметил, что освещение реальных преступлений часто привлекает чудиков и шизиков, а иногда даже психопатов.

Они согласились, что анонимность — это защита Рэйчел. С тех пор она одержимо поддерживала ее, специально избегая мероприятий, где надо выступать живьем, и появления на телешоу, чтобы ее не стали узнавать в частной жизни.

Поэтому-то для Рэйчел было невообразимо, что кто-то чужой узнал ее достаточно хорошо, чтобы оставить личное послание на какой-то глухой стойке, которую она выбрала совершенно случайно. Еще раз оглянувшись через плечо, она разорвала конверт, чтобы прочитать письмо внутри.

«Дорогая Рэйчел,

Надеюсь, вы не против, что я обращаюсь к вам по имени. Мне кажется, что я знаю вас очень хорошо».

Ее оттолкнула непринужденность письма. Последнее письмо от поклонника в подобном фамильярном тоне она получила от сексуального садиста, приглашавшего ее на свидание к нему в тюрьму особо строгого режима.

Рэйчел села на водительское сиденье своей машины и продолжила читать написанное на листочке, вырванном из блокнота на пружине.

«Рэйчел, я ваша огромная фанатка. Я прослушала все серии вашего подкаста. Я искренне верю, что вы единственная, кто может мне помочь. Много лет назад мою сестру Дженни убили. Ей было всего шестнадцать. Я дважды писала вам с просьбой о помощи. Не знаю, что делать, если вы снова откажете».

Рэйчел взглянула на последний листочек. Письмо было подписано «Ханна». Она не помнила, чтобы получала какие-либо письма от Ханны, но это ничего не значило. Если письма отправлялись, они попадали к Питу или их стажеру, оба просматривали поток корреспонденции, поступающей на электронную почту подкаста. Периодически Пит пересылал письма Рэйчел, чтобы она почитала лично.

В самом начале Рэйчел лично читала все просьбы о помощи, которые приходили от семей или друзей, недовольных ходом расследования убийств их близких, или заключенных, утверждающих, что невиновны, и умоляющих Рэйчел вернуть им честное имя. Она положила себе за правило лично отвечать на каждое письмо, обычно после предварительного расследования, и часто прилагала ссылки на благотворительные организации, которые могли бы помочь.

Но просьбы росли в геометрической прогрессии, и эмоциональное бремя отчаявшихся людей, умоляющих Рэйчел о помощи, давило на нее. Она стала последней надеждой каждого, кого подвела система правосудия. Рэйчел из первых рук узнала, что таких людей немало, и все они хотели одного. Они хотели, чтобы Рэйчел сделала их случай темой следующего сезона своего подкаста или в крайнем случае использовала свои солидные навыки расследования, чтобы исправить случившуюся с ними несправедливость.

Рэйчел было невыносимо, что в большинстве случаев она не могла сделать ничего, кроме как отправить отчаявшимся, сломленным людям пустые утешения. Бремя их ожиданий стало настолько со-